

— Колдовство? Это и есть тот результат, который ты, министр правосудия У Кэцзинь, добыл для Нас, тщательно всё расследовав?

Мин Цзыжань обвел его ледяным взглядом своих фениксовых глаз, помолчал и усмехнулся:

— Тогда позволь спросить: кто именно применил это злобное колдовство против Меня? Стоит ли за этим колдуном какая-то влиятельная фигура? И кто пронес в императорский дворец предметы, которые использовал этот человек?

У Кэцзинь, стоя на коленях перед Мин Цзыжанем, покрылся холодным потом.

Ему едва перевалило за сорок, он был жилист и сухощав. При рождении его нарекли У Синем, а имя Кэцзинь он получил позже. Когда-то он был лишь мелкой сошкой под началом Мин Цзыжана в армии. С тех пор как новый император взошел на трон, У Синь стремительно продвигался по службе, его будущее казалось ослепительным и вызывало всеобщую зависть. Однако чем выше была милость государя, тем тяжелее становилось бремя ответственности. В этом деле он совершенно запутался, бегал в мыле и вот уже две ночи почти не смыкал глаз.

Если бы речь шла о гибели пары мелких евнухов, это еще можно было бы списать на привычную дворцовую грязь и склоки. Даже если бы он хотел провести тщательное расследование, у него бы не вышло — пришлось бы просто замять дело.

Но главный евнух Хуан Пан, отвечавший за императорскую канцелярию, погиб на глазах у самого государя при столь загадочных обстоятельствах, что это стало делом чрезвычайной важности. Приходилось копать до самого дна.

— Ваше Величество, я не смею делать поспешных выводов. Однако в руках у покойного евнуха Хуана была найдена записка, на которой кривыми буквами было нацарапано: Смерть, проклятие. Судмедэксперты не смогли установить иную причину гибели. Я поначалу сам сомневался, поэтому специально советовался с несколькими учеными мужами, и после обсуждения все сошлись на том, что версия с колдовством наиболее вероятна.

Взгляд Мин Цзыжана жег его спину, словно раскаленное железо.

У Синь не смел поднять головы, стараясь говорить как можно убедительнее, и предложил выход:

— Что касается остального... В городе Цанпин полно всякого сброда, здесь всё появляется быстро, а исчезает еще быстрее. Сейчас нам не докопаться до истины. Чтобы обеспечить безопасность императорской семьи, я осмелюсь предложить начать с тщательной проверки самого дворца. Даже если мы не выйдем на след преступника сразу, мы хотя бы перекроем источник угрозы, тем самым явив миру величие вашей милости.

— Хорошо. Пусть будет так. Начни с внутренних покоев, чтобы заткнуть рты всем этим сплетникам во дворце, а заодно и Мои уши отдохнут. Кэцзинь, ты понимаешь всю серьезность ситуации, действуй немедленно!

Мин Цзыжань тяжело вздохнул, соглашаясь с его предложением.

Вспоминая те события, он понимал, что всё действительно выглядело крайне подозрительно.

Когда Хуан Пан скончался, его лицо было мертвенно-бледным, а глаза отливали странными переливчатыми цветами. Это происшествие вызвало во дворце немалую панику.

Колдовство...

Неужели это дело рук клана Фань из Хуаньсуя?

Они всегда враждовали с кланом Синьчжэн. Неужели решили избавиться от вдовствующей императрицы, а потом пустить слух, что это Он убил собственную мать, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев?

Ночь была холодной.

В императорском дворце Цанпина по-прежнему сияли огни, слышались песни и танцы.

У Синь, получив приказ, взял с собой отряд из двадцати гвардейцев и пятнадцать самых надежных и работающих подчиненных. Первым делом он направился в жилище Хуан Пана.

Это была довольно скромная комната, не соответствующая статусу хозяина. У Синь слышал, что евнух собирался на покой, видимо, уже перевез все ценные вещи в новый дом. К тому же сразу после обнаружения тела комнату обыскала императорская гвардия, так что вряд ли там могло остаться что-то важное.

Сжегши бумажные свитки с записями покойного и зажегши белые свечи, У Синь, согласно старым обычаям, отдал дань уважения усопшему и громко произнес:

— Сегодня, исполняя волю императора, я приступаю к расследованию гибели Хуан Пана, Цзоу Бура и Аня. Никто не смеет препятствовать!

— Слушаемся!

Затем последовали покои предыдущих императоров, дворец Хунъюань, где сейчас жил Мин Цзыжань, и дворец Цзяофан, где обитала императрица. Разумеется, там ничего не нашли, и У

Синь немного выдохнул.

Последние два дня дворец полнился слухами, каждый боялся за свою шкуру. Во всех дворцах провели внутренние проверки, погибло еще несколько евнухов и служанок, неизвестно за что были разжалованы две наложницы низкого ранга. Однако после всех этих обысков доказательства могли быть уничтожены, так что найти что-то стоящее было почти невозможно.

У Синь надеялся на удачу. Иначе лишением должности дело не ограничится — если он разгневает государя, пострадает вся его семья.

Следующим местом был дворец Дэюэ, где проживала любимая наложница Мин Цзыжаня, госпожа Гао.

Внутри было жарко, дышали угли, двери дворца были распахнуты настежь, словно хозяйка не боялась никакой проверки.

У Синь, как положено, послал доложить о своем визите и вместе с подчиненными медленно вошел внутрь.

Госпожа Гао ждала их в центре зала. Двенадцать высокомерных красавиц-служанок выстроились в два ряда, держа в руках фрукты, сладости, курильницы и грелки.

Дэ-фэй изначально была не самого знатного рода, когда вышла замуж за Мин Цзыжаня, была лишь второстепенной наложницей. Однако она была обаятельна, талантлива, умела угодить и, что самое важное, подарила императору наследников: после рождения старшей принцессы она сразу родила второго принца.

Мин Цзыжань любил ее, а потому милостиво относился и к ее родне. После его восшествия на трон родственники Дэ-фэй получили высокие должности, их осыпали наградами, и во дворце Дэюэ царил роскошь.

У Синь сложил руки в приветственном жесте и склонил голову:

— Госпожа Дэ-фэй, я — У Синь. Сегодня, ради безопасности императорской семьи и расследования убийств, по приказу Его Величества я должен осмотреть дворцы и павильоны. Прошу вас, окажите содействие.

Госпоже Гао не было дела до этих слуг, но при упоминании дела она разозлилась. Ее драгоценного сына в тот же день, как случились все эти грязные дела, вдовствующая императрица забрала к себе под предлогом воспитания, заявив, что вернет, когда всё прояснится. Действовала она так быстро, что это поражало воображение. Многие судачили, что вдовствующая императрица давно планировала нечто подобное.

Но сама Дэ-фэй знала, что она совсем не близка с вдовствующей императрицей, и то, что сына забрали, вовсе не было милостью. Все знали, что император и его мать в ссоре. Если сына заберут, а потом вернут — как император будет на него смотреть? А если не вернут — ее жизнь станет еще тяжелее.

Госпожа Гао вздохнула, глядя на свой свежий маникюр, и лениво произнесла:

— Раз на то есть воля императора, ищите, где хотите. Но если кто-то из ваших людей потянет руки к чужому или будет глазеть по сторонам, я с вами церемониться не стану. Уж с парой-тройкой наглецов я как-нибудь справлюсь.

— Вэй-эр, Мо-эр в последнее время выглядит неважно. Что с ней? — во дворце Цзяофан Мин Цзыжань массировал виски, обнимая любимую жену.

— Говорит, что ей скучно сидеть взаперти во дворце, только и всего. А вот вы, Ваше Величество, должны беречь себя — мало того, что государственные дела, так еще и эти недавние события вас изматывают.

Первая жена Мин Цзыжаня, Кун Лэ, была дочерью влиятельного клана Кун из провинции Лушэн. Она приходилась племянницей покойной мудрой наложнице Кун Кэ, родной матери Мин Цзыжаня. Хотя они не были знакомы с детства, но знали друг друга с юности.

Кун Лэ отличалась кротким нравом, была мудра и рассудительна. Мин Цзыжань, хоть и был человеком холодным и властным, к своей семье относился с исключительной теплотой. Они уважали друг друга, и их брак считался идеальным.

А под Мо-эр подразумевалась их старшая дочь, восьмилетняя Мин Шаомо.

— Если бы всё решалось по моей воле, с этим делом было бы покончено в два счета, — Мин Цзыжань поправил прядь волос у лба Кун Лэ, нежно поцеловал ее и усмехнулся. — Но Вэй-эр наверняка начнет меня ругать.

— По вашей воле вы бы вырвали всё с корнем, перебив всех причастных и тех, кто был рядом, верно? — Кун Лэ улыбнулась и погладила его по груди. — Почему за столько лет вы всё еще не стали мягче? Вы еще не прочно сидите на троне, а связи во дворце переплетены так сложно, что нельзя действовать так опрометчиво.

— Смотри-ка, уже поучает, словно домашняя учительница, — Мин Цзыжань помолчал, а потом грустно добавил: — Думаю о Мо-эр... она так похожа на свою тетушку. Интересно, как там сейчас Шусу, в безопасности ли она?

— Ваше Высочество, госпожа Ин — человек удачливый, с ней ничего не случится. Но пока она не доберется до Цзянсюэ, нельзя быть уверенными, что там не воспользуются моментом и не

устроят беспорядки. Может, вам стоит тайно отправить туда еще несколько доверенных людей? Если госпожа Ин доберется, это будет хорошо, а если нет — мы хотя бы будем знать, что происходит.

Кун Лэ тоже беспокоилась, хотя относилась к золовке скорее с опаской, чем с любовью. Муж слишком сильно любил сестру и, вопреки ее советам, отдал ей в управление важнейшую провинцию Цзянсюэ, что было крайне безрассудно.

Говорят, в императорской семье братья и сестры — враги. Мин Цзыжань уже давно прослыл жестоким правителем, но ей казалось, что муж был слишком мягкосердечен. Особенно к Мин Шусу. Кун Лэ она пугала — стоило ей взглянуть в те глубокие, как чернила, глаза, как ее охватывал первобытный ужас.

Она помнила, как впервые увидела ее при дворе: у Кун Лэ задрожали руки, сердце забилося в панике, она оступилась и нечаянно сломала свою любимую нефритовую заколку.

После гибели предыдущего наследника ей снились кошмары: Мин Шусу с глазами, как у кошки, и холодным выражением лица, держащая в руках острый клинок, которым она медленно вскрывала грудь ее мужа.

— Доклад! Во дворце Дэюэ найдены предметы для колдовства! Господин У Синь и госпожа Дэ-фэй ждут снаружи. Будет ли приказ...

Евнух не успел договорить, как мимо него пронесся холодный порыв ветра. Полы желтого императорского халата хлестнули его по лицу — Мин Цзыжань, обеспокоенный известием, применил свои навыки боевых искусств и уже выскочил из ворот.

Первым, что он услышал, был женский плач.

На лице У Синя красовались три длинные кровавые царапины, а госпожа Гао стояла рядом, сломав ноготь, и рыдала так жалобно, что это вызывало невольную жалость.

Перед ними на земле лежал самый обычный маленький ларец, от которого исходил сладковатый аромат.

— Как такое возможно? — Кун Лэ, почувствовав неладное, последовала за ним.

Госпоже Гао сейчас следовало бы вести себя тише воды, ниже травы, зачем ей так глупо подставляться? К тому же у нее не было никакой поддержки...

— У Синь, говори ты, — одним взглядом Мин Цзыжань заставил Дэ-фэй замолчать.

— Ваше Величество, этот ларец был найден во дворце Дэюэ. Когда я спросил, госпожа Дэ-фэй сама призналась, что это ее ларец для румян. Но внутри...

У Синь вытащил кинжал и осторожно вскрыл крышку.

Оттуда выполз толстый семицветный червь.

У Синь полоснул себя по руке, и, как только кровь хлынула, червь начал жадно ее впитывать, раздуваясь на глазах. Он превратился в кокон, из которого тут же вылезло нечто, похожее на огромную полупрозрачную пленку.

Самым жутким было то, что это существо стремилось ползти вверх, к ране!

У Синь поспешно перевязал руку, выхватил из-за пазухи огниво, поджег его и бросил в тварь. Раздался пронзительный визг, и существо, съежившись, превратилось в лужицу черного гноя.

Дэ-фэй, увидев это, лишилась дара речи от ужаса, а лицо Мин Цзыжання стало пепельно-синим.

— Ваше Величество, это легендарный гу-червь семи цветов. Все погибшие были отравлены именно этим гу. Я получил от ученого Ду из Павильона Дракона ароматический мешочек, говорят, гу его боятся. Когда я обыскивал дворец Дэюэ, этот ларец сам начал отодвигаться от меня, вот я и понял, что слова ученого — правда.

У Синь сам был в ужасе от увиденного.

— Гао, объяснись, — холодно произнес Мин Цзыжань, заслонив собой императрицу, чтобы она не подошла ближе.

— В-ваше Величество... я... я... — лицо госпожи Гао стало бледнее мела, она не могла вымолвить ни слова, ее тело дрожало, как в лихорадке, а по лбу градом катился пот.

Прекрасная, как цветок, красавица за одну ночь превратилась в увядшее под зимним ветром растение.

— Заключение госпожу Гао в темницу, дворец Дэюэ опечатать, всех причастных тщательно допросить. Если есть связь с колдовством — казнить без пощады!

Руки Мин Цзыжання слегка дрожали при мысли о семилетнем втором принце Мин Шаохао.

— Тщательно расследовать дела клана Гао. Если всё подтвердится — казнить до третьего колена!

— Ваше Величество! Я невиновна, это... Шаохао, Шаохао!

Госпожа Гао успела лишь выкрикнуть имя сына, как вдруг ее тело забилося в конвульсиях, она похолодела и рухнула на землю. Ее глаза были затянуты пленкой из семицветных червей.

У Синь инстинктивно протянул руку, чтобы подхватить ее, но почувствовал резкую боль в руке.

<http://bllate.org/book/21759/2250166>